

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ВЕРЫ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МУСЫ БИГЕЕВА

ХАЙРУТДИНОВ

Айдар Гарифутдинович,

канд. филос. наук, доц.; ст. науч.

сотр. отдела истории религий

и общественной мысли, Институт

истории им. Ш. Марджани, Академия

наук Республики Татарстан

(420014, Россия, Республика Татарстан,

г. Казань, ул. Батурина, 7).

E-mail: khaidar67@mail.ru

Аннотация: Статья содержит анализ одной из работ всемирно известного татарского религиозного мыслителя Мусы Джаруллаха Бигеева, посвященной рассмотрению вопроса о сущности и содержании веры в исламе. В логической последовательности излагаются рассуждения ученого о значимости проблемы веры, предыстория причины вероисповедного кризиса ислама и его результаты, а также пути исправления ситуации.

Ключевые слова: татарское богословие, Муса Бигеев, Муса Джаруллах, символ веры, 'акида, вера и деяния, двусоставный символ веры, трехсоставный символ веры, течения калама, аш'аризм, исламская нравственность, критерии веры, кризис нравственности в исламе.

Вера (*иман*) является одним из ключевых понятий ислама. В Коране критерии веры обозначены предельно ясно: *«Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие — кто уверовал в Аллаха, и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков...»* (Коран, 2: 172(177))¹.

Кроме этого, в различных айатах, касающихся веры, речь идет о разных ее составных элементах, которые прямо или косвенно восходят к тем, что перечислены в упомянутом выше аяте. Например: *«И не препирайтесь с обладателями книги, иначе как чем-нибудь лучшим, кроме тех из них, которые несправедливы, и говорите: “Мы уверовали в то, что ниспослано нам и ниспослано вам. И наш Бог и ваш Бог един, и мы Ему предаемся”»* (Коран, 29: 45(46)); *«...Все уверовали в Аллаха, и Его ангелов, и Его писания, и Его посланников...»* (Коран, 2: 285); *«...Веруйте в Аллаха и Его посланника, и писание, которое Он низвел Своему посланнику, и писание, которое*

Он низвел раньше...» (Коран, 4: 135(136)); **«Вы веруете в писание целиком»** (Коран, 3: 114/118); **«...Этим увещается тот, кто верует в Аллаха и в последний день...»** (Коран, 65: 2(2)); **«Скажите: “Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку, Йакубу и коленам, и что было даровано Мусе и Исе, и что было даровано пророкам от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему предаемся”»** (Коран, 2: 130(136)), и др.

Примечательно также и то, что в Коране рядом с упоминаниями о вере часто фигурирует понятие благодеяния. Эта тема является одним из лейтмотивов Писания вообще: **«И обрадуй тех, которые уверовали и творили благое...»** (Коран, 2: 23(25)). Столь настойчивое привлечение к ней внимания читателя позволяет прийти к выводам, что, во-первых, между верой и деянием существует неразрывная связь, а во-вторых, что деяния со всей очевидностью обуславливаются верой. Согласно Корану, tandem, представленный верой и благодеяниями, является верным средством обретения статуса праведника в этом мире, и рая — в мире потустороннем.

В качестве примера приведем ряд аятов Корана: **«Они веруют в Аллаха и последний день, приказывают одобряемое и удерживают от неодобряемого. Они спешат друг перед другом в совершении благого; они — праведники»** (3: 110(114)); **«А если кто сделает что-нибудь благое — будь то мужчина или женщина, и он при этом верующий, — то эти войдут в рай и не будут обижены и на бороздку финиковой косточки»** (4: 123(124)).

Однако, несмотря на наличие столь очевидных предписаний Корана по поводу того, какие элементы включает в себя вера и каким должно быть отражение ее в повседневной жизни, в исламском богословии возникли различные трактовки веры, ее сущности и содержания, что привело к формированию разнообразных богословских и религиозно-правовых мазхабов. В ходе становления и развития этих мазхабов, а также благодаря дискуссиям между их представителями сложилось представление о составных элементах веры, появился понятийный аппарат и определился круг исследуемых проблем. Так, было выделено три основных элемента исламской веры: вербальное провозглашение (*икрар би ал-лisan*), признание сердцем (*тасдик би ал-кальб*) и деяния (*ал-а‘мал*), под которыми понималось скорее исполнение ритуальных предписаний (*фара’ид*), нежели собственно благие деяния.

Основные споры, порою переходящие в физические столкновения и даже войны, развернулись между представителями тех или иных вероучительных толков именно в плоскости отношения к элементам веры. Так, мурджииты достаточным свидетельством принадлежности человека к мусульманской умме считали его словесное заявление о вере и не признавали показателем веры его деяния. Хариджиты не представляли

себе веру без скрупулезного исполнения всех религиозных предписаний. Позиция му‘тазилитов по вопросу сущности и содержания веры заключалась в уравнивании с ней религии, т. е. в послушании законам шари‘ата. При этом они допускали усиление или ослабление веры.

Таким образом, можно утверждать, что в ходе эволюции мусульманских представлений о сущности и содержании веры произошел заметный дрейф проблемы, в одном случае — в сторону рационализации этих понятий, в другом — в сторону их догматизации. Крайняя степень рационализации характерна для му‘тазилизма, отдельные представители которого пришли к отрицанию феномена пророчества, преподносимого в Коране в качестве одного из объектов веры. Обратный процесс, а именно ограничение проблемы веры рамками строгих догм, был характерен для хариджитов. Они считали, что, поскольку вера должна выражаться в соответствующих действиях, то мусульманин, совершивший тяжкий грех, становится вероотступником, которого непременно следует казнить.

Из сказанного выше следует, что в вопросах веры представители различных богословских и религиозно-правовых течений в большей или меньшей степени отошли от очевидных и понятных коранических предписаний, касающихся данной темы.

Проблема сущности и содержания веры сохраняла свою актуальность в мире ислама на протяжении всей истории существования этой религии. Свое видение данного вопроса присуще даже современным мусульманским богословам. В частности, суннитское богословие говорит о трех видах веры: вере на основе традиции; вере на основе знания и вере как внутренней убежденности.

В свете сказанного понятен интерес к данной теме и со стороны выдающихся татарских мусульманских мыслителей различных эпох. К рассмотрению проблемы веры в разное время обращались, в частности, Мурад Мулла (XVIII в.), ‘Абд ан-Насир Курсави (1776–1812), Шигабуддин Марджани (1818–1889), Галимджан Баруди (1857–1921), Ризаэддин Фахреддинов (1859–1936), Габдулла Буби (1871–1922), Зияэддин Камали (1873–1942), Муса Бигеев (1873–1949) и другие.

Мурад Мулла первым из известных нам религиозных мыслителей ввел понятие «исправление веры»¹, что можно понимать как призыв к ревизии вероисповедных догм или, говоря иначе, исламской ‘акиды.

А. Курсави едва не стал жертвой религиозного диспута об атрибутах Бога, который он имел неосторожность спровоцировать, находясь в Бухаре (1808 г.). Ученый изложил свои взгляды на проблему веры в двух комментариях к такому фундаментальному столпу матуридитского учения, который сыграл решающую «роль в распространении

¹ Валиуллин И. Мурад мулла / Татарские интеллектуалы: исторические портреты / сост. Р. М. Мухаметшин. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: Магариф, 2005. С. 9.

матуридитской школы калама»¹, как трактат *‘Ака’ид ан-Насафи*. Речь идет о его трудах *Шарх ‘Ака’ид ан-Насафи* и *Шарх ‘Ака’ид ан-Насафи ал-Джаид*². В этих работах автор также ставил вопрос о необходимости очищения ислама и верования от искажений.

Ш. Марджани продолжил развивать тезис о необходимости очищения символа веры. По его мнению, дискуссии о свойствах материи, тела и акциденциях, занимающие значительное место в классических трактатах матуридитской и аш‘аритской догматики, «вовсе не относились к области основ вероубеждений (*‘акида*), так как вера мусульманина не зависит от такого рода спорных вопросов»³.

Уже по названию первого богословского сочинения Галимджана Баруди⁴ — *Илм ат-тавхид* (1890) — можно понять, какое значение этот крупный татарский богослов, общественно-политический деятель и педагог придавал вопросам веры. В частности, Баруди признавал трехсоставное определение веры, включающее, помимо намерения и внутреннего убеждения (*масдик*) и вербализации (*икрар*), также и внешнее действие (*а’мал*), в то время как ханафиты-матуридиты приняли двухсоставное определение. Такая позиция ученого — «яркий пример отхода от положений ханафитов-матуридитов»⁵.

Важным вкладом в переосмысление татарским мусульманским сообществом сущности и содержания веры с точки зрения проблемы божьей милости явился трактат *Рэхмэт илаһия мәсьаләсе* («Проблема божьей милости») Р. Фахреддинова. В этом сочинении автор заключил, что вопрос о природе божьей милости, напрямую связанный с проблематикой исламской ‘акиды, лишь выглядит как сугубо религиозный. На самом деле он настолько важен, что уже в ближайшем будущем приобретет социально значимый характер, став актуальным для всего исламского мира⁶.

Габдулла Буби — талантливый педагог и богослов, руководитель знаменитого медресе Иж-Буби — также выступал за возрождение принципов раннего ислама, в том числе и в вопросах символа веры. В частности, в своем религиозно-философском трактате *Хакыйкат, яхуд Тугрылык*

¹ Са’ди ‘Абд ал-Малик. Исламское вероучение: толкование акиды «Ан-Насафия» / пер. с араб. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. С. 11.

² Идиятуллина Г. Абу-н-Наср Курсави. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2005. С. 86.

³ Шагавиев Д.. Просветительские и религиозные воззрения Шигабутдина Марджани. URL: <http://www.islamrf.org/shagaviev-3> (дата обращения: 25.03.2017).

⁴ Хисамутдинова Л. Галимджан Баруди // Татарские интеллектуалы. Казань: Магариф, 2005. С. 91.

⁵ Мухетдинов Д. Текст доклада на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения духовного наследия мусульман России: история и современность», приуроченной к 160-летию со дня рождения известного татарского богослова Г. Баруди (Казань, 16–17 февраля 2017 г.). URL: <http://islamdumpb.ru/blog/vystuplenie-muhtasiba-muhetdina-na-mezhdunarodnoj-konferentsii-priurochennoj-k-160-letiyu-gbarudi-v-kazani> (дата обращения: 25.03.2017).

⁶ См.: Бигиев М. Избранные труды: В 2 т. Т. I / пер. с осман. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 49.

(«Истина») он объясняет понятие врожденной веры как состояние, в которое Всевышний стремится вернуть людей¹.

Зияэддин Камали уделял вопросу о сущности и содержании веры самое пристальное внимание и отвел этой теме много места в своем объемном религиозно-философском трактате *Фалсәфә исламия* («Исламская философия»). Ученый открыто выразил несогласие с существующим матуридитским символом веры и предложил собственное толкование этого важнейшего для духовной жизни человека понятия: «Иман [вера, которую он приравнивает к осознанию единства, т. е. *таухид*] — это поклонение [Аллаху] от всего сердца, отстранение от всего того, что несет вред человечеству, это обладание [земным] счастьем и счастливой долей для оказания помощи людям, это высокая нравственность: гуманизм, целомудрие, терпение, верность слову, почтение к Аллаху, постоянное постижение знамений Аллаха, приводящее к достоверному знанию, это защита веры при помощи сил души и своего имущества и жертвование собой на пути религии Аллаха»².

Названные выше выдающиеся деятели российского ислама — далеко не все среди татарских богословов, кто так или иначе касался в своих трудах вопроса о сущности и содержании веры. Но взгляды этих ученых, приведенные в настоящей статье, позволяют оценить как высокую степень осознания ими значимости данной проблемы, так и их смелость в переоценке многовековых догм для очищения символа исламской веры от искажений ради оживления мусульманского сообщества и выведения его на путь всестороннего духовного и цивилизационного развития.

Однако палитра мнений татарских интеллектуалов относительно проблемы сущности и содержания веры будет неполной без рассмотрения взглядов на этот счет выдающегося татарского религиозного мыслителя Мусы Джаруллаха Бигеева.

В интеллектуальном наследии М. Бигеева богословско-философское изучение проблемы сущности и содержания веры, на наш взгляд, достигло своей кульминации как с точки зрения осознания ее значимости, так и с точки зрения ее теоретической и практической разработанности. Достаточно сказать, что фактор веры в божество был поставлен им первым в ряду трех (вместе с правовой системой и философско-мировоззренческой традицией) описанных в его трудах социообразующих институтов, благодаря которым исламская цивилизация в первые века своего существования достигла невиданных высот во всех областях деятельности.

¹ Тухватуллин А. Х. Общественные и религиозно-философские взгляды Хасан-Гаты Габаши и Габдуллы Буби // История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учеб. пособие. Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. С. 231.

² Алмазова Л. И. Зияэддин Камали: трансформация религиозного сознания мусульман // История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. С. 305.

М. Бигеев считал, что вера в божество включает четыре последовательно связанные друг с другом составляющие. Первая — собственно вера в божество, из которой естественным образом вытекает 2) возвеличивание божества в виде служения и поклонения, что закономерно приводит к формированию 3) духовно развитого человечества, что, в свою очередь, обуславливает 4) его могущество и величие в дольнем мире¹.

Ученый исследовал вопрос о сущности и содержании веры с различных точек зрения — богословской, исторической, философской, цивилизационно-культурологической. Эти подходы нашли отражение в трудах М. Бигеева. Настоящая статья посвящена анализу одной из глав его книги *Халык назарына берниче масьалә*² («Несколько вопросов вниманию народа»), в которой ученый рассматривает проблему веры как центральную. Упомянутая глава называется «Иман» («Вера»), причем для раскрытия столь сложной темы автор использовал несколько необычный для данного случая жанр публицистики и, на наш взгляд, блестяще справился с поставленной задачей. Он смог понятным языком, без углубления в хитросплетения богословских разногласий и предрассудков изложить предысторию и свое видение этой важнейшей проблемы, доказать читателю настоятельную необходимость ее решения, а также предложить пути выхода из сложившейся ситуации.

М. Бигеев начинает разговор о вере с утверждения о том, что ей принадлежит выдающаяся роль в культурной и политической истории исламского мира, и эта роль останется за ней в будущем. Это так, поскольку вера представляет собой основу человеческой морали и поведения, а также является главным условием успеха в обоих мирах.

Далее ученый объясняет причины своего несогласия с различными течениями в исламе, проповедующими крайне ограниченный взгляд на веру человека. Он пишет: «Нет ничего сложнее и труднее, чем выявление, а после выявления — устранение отравы, путем интриг и коварства проникшей в исламский символ веры, который, с точки зрения последователей ислама, воспринимается как нечто самое священное. Невероятно трудно выявлять, а затем устранять никчемные и примитивные представления и взгляды, которые были возвращены на почве невежества. Ибо каждый из этих ввевшихся ядов, и каждое из пустивших корни примитивных воззрений в силу их древности считаются сегодня частью веры. Любое выступление против таких вещей воспринимается как выступление против самой веры. В этом свете отвага, сподвигающая к выступлению против таких предрассудков, является губительным и даже смертельным делом. Положение осложняется такими серьезными проблемами, как отсутствие

¹ Хайрутдинов А. Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Изд-во «Фән»; АН РТ, 2005. С. 96.

² См.: Бигиев Муса-эфенди. Халык назарына берниче масьалә. Казан: Электро-типография «Умид», 1912. 93 с.

понимания того, чем является искомое, беспочвенные обвинения, фанатизм с одной стороны, и пустая трата слов — с другой. Поэтому не у каждого человека хватает мужества совершить такой шаг. Однако я не могу молчать. Молчание, в то время, когда вера, являющаяся стержнем спасения в обоих мирах, превращена в подстилку для самых больших пороков, по моему мнению, является смертным грехом, великим грехом»¹.

Далее М. Бигеев излагает собственное понимание веры, ее элементов, а также религии, философии и всевозможных умозаключений. По его мнению, эти вещи имеют значение лишь тогда, когда истинны и полезны, причем последнее трактуется им с точки зрения политического блага и социальной пользы. Более того, ученый убежден, что если вера и религия идут вразрез с жизненным опытом, рациональными заключениями, а также интересами социального и политического блага, то они не могут называться ни религией, ни верой.

Собственно, вера, по мнению М. Бигеева состоит из совокупности истинных убеждений, полезных деяний, прекрасных чувств и целомудренной чувствительности. При этом критерием значимости истинного убеждения он считает лишь результат, который проявляется в деяниях и поступках. Иными словами, если убеждение оказывает влияние на нравственность и поведение человека, если оно не позволяет человеку творить зло и ведет его к полезному, то такое убеждение является достойным уважения, а если оно не отражается в деяниях человека, то оно ничего не стоит.

В ходе изложения своих мыслей М. Бигеев обращается к известному хадису о ветвях веры: «Вера имеет более семидесяти ветвей. Наивысшая из них — это высказывание “Нет какого-либо иного бога, кроме Аллаха”, а самая нижняя из них — это устранение помехи с дороги. А стыдливость является одной из ветвей веры».

Данный хадис, наряду с другими, по смыслу сходными с упомянутым, ученый называет многозначным и очень полезным. Из подобных хадисов со всей очевидностью вытекает, что столпами веры являются убеждение, нравственность и деяние, а проявления веры и вовсе не имеют границ. Вера в существование Аллаха и в его единственность является высшим и главным проявлением веры, тогда как самое малое ее проявление — это устранение препятствия с дороги. М. Бигеев обращает внимание на то обстоятельство, что даже в самом малом из проявлений веры присутствует фактор социальной полезности, выраженный словами «устранение помехи с дороги». Исходя из этого, ученый заключает, что момент социальной полезности присущ и всем остальным проявлениям веры.

Переходя к рассмотрению первого столпа веры, а именно веры в существование и единственность Аллаха, М. Бигеев называет ее врожденной истиной (*хакика фитрия*). Однако это не отменяет полезности веры

¹ Бигеев Муса-эфенди. Халык назарына берничэ мәсьәлә. Б. 49.

в Аллаха в личностном и социальном преломлениях. Прежде всего вера в безусловно щедрого Аллаха, который ближе к человеку, чем он сам, является самым надежным прибежищем в минуты одиночества и неизменным помощником в годину тягот и невзгод. Также посредством веры достигается состояние внутреннего покоя, благодаря которому человек чувствует себя счастливым. Только вера является фундаментом таких моральных качеств, как верность, надежность, честность, которые, в свою очередь, необходимы для налаживания и поддержания порядка в социальной среде. М. Бигеев заключает: «Вера в существование безусловно щедрого и абсолютно милостивого Аллаха имеет столько аспектов социальной и личностной полезности, что их невозможно пересчитать устно и перечислить письменно. Душевный покой личности и благополучие общественной жизни представляют собой два самых наипольнейших проявления этой веры»¹.

М. Бигеев заключает, что именно в силу неопровержимой истинности и бесчисленных полезностей вера в Аллаха установлена в качестве основы исламского вероубеждения, и лишь затем следуют такие ее обязательные столпы, как намаз, закят, пост, хадж, а также остальные добродетели (*хасанат*). Таким образом, совершенным верующим считается тот, кто в меру своих сил полностью исполняет столпы — обязательные составляющие религии и человеческого общежития. Остальные являются верующими сообразно совершаемым ими благодеяниям, что обусловлено различиями между степенями столпов и ответвлений веры. В силу этого невозможно, чтобы между верующими не существовало различий в степени веры.

По мнению ученого, добрые дела, которые являются составляющими веры согласно высказываниям благородного Законодателя и контексту благородного Корана, не ограничиваются лишь поступками, так или иначе относящимися к грядущему миру. Составляющими веры являются также и деяния, которые расширяют возможности ума или тела, а также труд и усердие (*иджтихад*), которые должным образом создают и обеспечивают блага как для государства, так и для нации.

Причем для окружающих акт принятия веры выражается в предельно простом провозглашении шахады. Человек, который ее произнес, становится полноправным членом исламской нации (*милла*), даже если он при этом является униженным бедняком. Никто не вправе лишить его чести быть уважаемым членом ислама, подвергнуть оскорблению, отнять его человеческие или религиозные права.

Так М. Бигеев переходит к разъяснению одной из важнейших, по его мнению, характеристик веры в качестве средства, связывающего мусульман скрепами духовного братства, как это прописано в аяте: «воистину,

¹ Бигеев Муса-эфенди. Халык назарына берничэ мәсьәлә. Б. 51.

верующие — братья». Он отмечает, что родство в вере, превосходящее даже родство по крови, было провозглашено с целью создать единство в устремлениях, желаниях и лучших нравственных качествах, и потому этот принцип был заложен в фундамент исламской политики и управления.

М. Бигеев убежден, что благодаря айатам Корана о родстве по вере мир ислама представляет собой большую семью, отцом которой является пророк Мухаммад, а справедливым предстоятелем ее — Коран, который поддерживает эту большую семью. По мнению М. Бигеева, в мире не было какой-либо иной системы управления, которая превосходила бы исламскую, однако в силу ряда причин эта система не смогла проявить в истории ислама свою эффективность.

Далее ученый переходит к разговору о причинах, приведших к забвению высоких принципов жизнеустройства, представленных в Коране и хадисах Пророка. Ученый с горечью констатирует, что некогда единая, исламская умма уже в первые века своего существования была ввергнута в смуту и разделилась так, что в дальнейшем исламский мир уже никогда не знал единства. Этому способствовали раздоры по поводу легитимности власти, в результате чего был утрачен общинный дух религии. Внутреннее состояние исламского мира оказалось столь плачевным, что мусульмане не смогли объединиться даже ради защиты себя от нашествия Чингиза, от испанской Реконкисты, от вторжения воинов-крестоносцев.

М. Бигеев с удивлением констатирует, что среди последователей ислама наблюдалась невероятно сильная разобщенность и даже вражда, тогда как в мире христианства, несмотря на наличие весьма глубоких разногласий между его конфессиями, царило единство: «В час, когда враг угрожал уничтожить ислам, аскеты, отшельники и правители забирались в своих кельях. В час, когда харамом были дозволенная еда и обязательные намазы, правители исламского мира были заняты совершением дополнительных намазов-нафила»¹.

М. Бигеев делает краткий обзор истории разрушения внутреннего единства исламского мира, наблюдавшегося во всех его уголках: в Индостане, Туркестане, Иране, Османской империи, в Поволжье. Правители этих государств были заняты лишь междоусобными войнами и «с удовлетворением и даже с радостью» наблюдали за падением Андалусии. М. Бигеев подчеркивает особенную вину правителей Порты, которые со злорадством выслушивали мольбы бесчисленных андалусских мусульман, гонимых и убиваемых лишь за их веру, и раз за разом отвергали все их обращения за помощью. Он обвиняет османских султанов также и в том, что они отказывали многочисленным эмирам Индостана, которые стучались в их двери в надежде на заключение торговых и политических соглашений, и туркестанским ханам, обращавшимся

¹ Бигеев Муса-эфенди. Халык назарына берничэ мәсьәлә. Б. 53–54.

с предложениями о сотрудничестве. Когда в опасности оказалось, как пишет Бигеев: «татарское мусульманское государство на Волге», именно османский султан, испугавшись возрождения нового государства Чингизидов, запретил крымскому хану проведение операции по его спасению. Более того, он обвинил хана в попытке создать чингизидское государство и подверг его жестокой обструкции. И сделал все это некто иной, как величайший из правителей Османской империи — сам султан Сулейман Справедливый!

М. Бигеев заключает, что вопреки исламскому принципу превосходства родства по вере самыми враждебными друг к другу государствами были именно исламские государства, самыми разобщенными нациями были именно мусульманские нации.

Однако кризис поразил не только политические основы исламских государств, но и нравственные устои мусульман. В отличие от правителей западного мира, прилагавших максимум усилий для обеспечения благополучия своего населения и могущества государства, политики и лидеры мусульманских стран поступали так, словно состязались друг с другом в предательстве, преступая все мыслимые и немыслимые границы. Даже честный по природе человек, оказавшись в их окружении, вставал на путь измены.

Главную причину плачевного политического и нравственного состояния исламского мира, его деградации М. Бигеев усматривает в тех воззрениях, которые насаждались мазхабами веры: «По моему особому мнению, между состоянием исламского мира и мазхабами веры есть очевидная и сильная взаимосвязь. Имеет место одно из двух: 1) либо политическое и этическое состояние исламского мира является результатом влияния господствующих мазхабов веры, 2) либо мазхабы веры сами разработаны как отражение или копия его политического состояния»¹.

М. Бигеев заявляет, что из всех течений, занимавшихся вопросами веры, самое пагубное влияние на мир ислама и сознание мусульман оказало учение аш'аритов. Именно в рамках этого учения вера была превращена в двусоставную конструкцию, слагающуюся из вероубеждения, скрытого в сердце, и официальных формул, произносимых языком. Именно аш'ариты вывели из состава веры такие благодетели, как разум, знание, высокая нравственность, добрые деяния, в общем, все то, что делает человека человеком.

В результате тот, кто называл себя верующим, мог всю свою жизнь предаваться разврату и иным видам порока, мог безнаказанно отнимать имущество сирот и бедняков, становиться причиной несчастья тысяч невинных людей, поскольку до тех пор, пока он вербально не признавал дозволенности этих вещей, он благодаря лишь своему словесному

¹ Бигеев Муса-эфенди. Халык назарына берничэ мәсьәлә. Б. 55.

провозглашению шахады считался верующим, считался чистым мусульманином по причине того, что в его сердце скрывается убеждение.

М. Бигеев подчеркивает, что если вера, предназначенная для спасения человека, состоит только из убеждения и только из вербальных утверждений, то такая вера становится питательной средой для человеческой гордыни. Для такого человека утрачивают свое значение благопристойность и благодеяние, тогда как зло, порок и предательство перестают быть для него мерзостью и скверной. Это в полной мере проявилось в мире ислама, когда вера, превращенная в сочетание скрытого в сердце убеждения и изрекаемых слов, была сделана основой всех сторон жизнеустройства нации и государства. Говоря проще, вера открыла все пути для тирании, несправедливости и измены.

Этим М. Бигеев объясняет появление в мире ислама правителей, вера которых якобы не терпела ущерба даже на фоне совершаемых ими отвратительных злодеяний и преступлений. Ведь благодаря хитроумным фетвам факихов их злодеяния преподносились как справедливость, а распущенность — как религиозность: «...если такие преступления как убийство Хаджаджем¹ ста тысяч невинных людей, оскорбление им Божьего храма и разрушение Каабы, или совершенное Йазидом² в самой отвратительной форме оскорбление Сада счастья, Мечети Пророка и уничтожение пророческой обители, осуществленное в самой унижительной форме, не наносят вреда крепости веры, то такая “крепкая вера” становится самым большим оправданием для всех пороков и становится самой крепкой их основой. Все злодеяния негодяев, все низости и предательства изменников прикрываются такой верой. Такая вера становится самой действенной прелюдией к гибели мусульман и исламских государств»³, — утверждает М. Бигеев.

Описав последствия насаждения двусоставного определения веры, М. Бигеев переходит к критике течений калама, которые внушили людям, что вербальное утверждение может являться отражением и доказательством убеждения, скрывающегося в сердце, и при этом свели на нет поступки человека, его благодеяния, которые-то и должны были быть первоочередными доказательствами наличия в нем веры.

М. Бигеев пишет, что вместо ущербного и примитивного утверждения: «деяния вне веры, они лишь добавочны», мутакаллимам следовало сказать: «деяние есть доказательство веры», и последнее больше соответствовало бы текстам и утверждениям священных аятов и Сунны Пророка и было бы полезнее для последователей ислама. Аргументируя свою точку зрения относительно соотношения веры и деяний,

¹ Хаджадж (Абу Мухаммад ал-Хаджадж ибн Йусуф ас-Сакафи, 661–714) — полководец, омеййадский губернатор в Хиджазе (692–694) и в Ираке (694–714).

² Йазид (Язид I, ибн Муавия 645–683) — второй арабский халиф из династии Омеййадов.

³ Бигеев Муса-эфенди. Халык назарына берничэ мәсьәлә. Б. 57.

М. Бигеев приводит десяток хадисов: «Вера имеет более шестидесяти ветвей, и стыдливость есть одна из ветвей веры»; «Вера — это терпение и великодушие»; «Вера — это воздержание от запретного, воздержание от вожделенного»; «Вера и деяние — братья, вера и деяние — это такая пара, один член которой не принимается без своего спутника»; «Верующий — это тот, кто приветствует людей и словом, и рукою своей»; «Вера означает знание того, что Аллах с тобой, где бы ты ни находился»; «Клянусь тем, в чьей руке моя душа, что не уверует слугитель до тех пор, пока не возлюбит для брата своего то из доброго, что он возлюбил для себя»; «Добрый нрав есть половина веры» и др.

М. Бигеев подчеркивает, что вопреки наличию таких хадисов мутакаллимы исказили их и переиначили их очевидные смыслы, превратив их в метафорические фигуры речи. Сам ученый выводил из подобных хадисов совершенно другое понимание веры: «Если мы проявим внимание к хадисам, имеющим такие смыслы, а также к священным айатам, ниспосланным в благородном Коране, и если мы озаботимся осознанием их содержания, то окажется, что вера, почитаемая в глазах благородного Законодателя, представлена разумом, высокой нравственностью, благодеяниями, праведными делами и истинными убеждениями. С точки зрения Законодателя, не присуща какая-либо значимость убеждениям, которые не отражаются в деяниях. До тех пор, пока слово, сходящее с языка, и убеждение, скрывающееся в сердце, не будут сопоставляться с деяниями, они не могут являться чем-то таким, что достойно уважения»¹.

Однако М. Бигеев не ограничивал веру ее ролью по отношению лишь к человеческой личности. Ученый понимает веру как один из важнейших факторов жизнеустройства, оказывающий непосредственное и решающее влияние на общественный уклад и интересы государства. В этом смысле вера, по его мнению, состоит из таких понятий, как справедливость, честность, верность. Такой подход позволяет правильно оценить внутреннюю сущность того, кто совершает предательство, творит зло, угнетает, приносит вред, ведь в таком случае не осталось бы никакого смысла в убеждении, якобы скрытом в его сердце, и в словах, которые он произносит.

М. Бигеев предлагает критерии оценки истинной веры и ее противоположности, лишь рядящейся в одеяния веры. Это отличие, по мнению ученого, проявляется в вопросах управления, в действиях политического характера. На первый взгляд в этой области не приходится говорить о вере или отсутствии оной, поскольку здесь уместны скорее такие понятия, как “справедливость” либо “тирания”. Однако именно здесь и проявляется истинный либо формальный характер веры: истинная вера есть синоним и источник справедливости, тогда как отсутствие веры (*куфр*) — синоним

¹ Бигеев Муса-эфенди. Халык назарына берниче мәсьәлә. Б. 58.

и источник тирании. Именно это вытекает из коранического и пророческого понимания веры, и именно на такой основе строится отношение ислама к государству и к нации. Однако мутакаллимы совершили гнусное преступление, отделив тиранию от куфра, а веру — от справедливости. Так они создали режим благоприятствования желаниям и капризам тиранов и мучителей. М. Бигеев прямо называет эту аферу «нововведением, совершенным продажными изменниками»¹.

Далее ученый обращает внимание на тот факт, что ислам не строил принципы управления на скрытом в сердце убеждении и устном провозглашении веры. Ислам воздвиг принципы управления на таких основах, как справедливость и общественный интерес. Поэтому скрытое в сердце убеждение и фразы, принесенные языком, ни в коей мере не могут быть основой того, что касается управления жизнеустройством. И даже больше: если религия не основана на примате справедливости или если эти понятия — религия и справедливость — не воспринимаются как синонимы, то такая религия представляет собой не что иное, как питательную среду для апофеоза тиранического самодурства, и такая, с позволения сказать, религия всесторонне вредна.

М. Бигеев задается вопросом, что произошло бы, если бы течения калама, исключившие деяние из состава веры, превратив ее в «гипотетическое убеждение» и голые слова, вывели бы из рамок веры и свою бесполезную методологию. В этом случае, пишет ученый, мир ислама не разделится бы на неистово враждующие друг с другом мазхабы и проклинающие друг друга группировки. Ислам имел бы все перспективы для сохранения своего единства в духе айатов: **«Держите прямо веру и не разделяйтесь в ней!»**² и **«Поистине, те, которые разделили свою религию и стали партиями, ты — не из них...»**³ Если бы не каламическая отравка, поразившая сознание мусульман, то вряд ли возникли бы такие несхожие и враждующие друг с другом течения, как аш'аризм, му'тазилizm, шиизм, суннизм и пр.

Однако произошло обратное. Дело дошло даже до того, что в состав исламской 'акиды были включены разногласия, существующие между различными течениями калама. По мнению М. Бигеева, написание каламических книг и создание мазхабов, скопированных с таких политических «лекал», как войны за халифат, вражда между 'алавитами и умаййадами, представляют собой одно из самых тяжких преступлений против ислама.

Переходя к разговору о путях выхода из сложившейся ситуации, М. Бигеев прежде всего провозглашает, что в исламе имеется лишь

¹ Бигеев Муса-эфенди. Халык назарына берничә мәсьәлә. Б. 59.

² Коран. 42: 11(13).

³ Коран. 6: 160(159).

один мазхаб, и каждый человек, который принимает слово единобожия и лозунг ислама, является верующим. В качестве главного средства, которое дает шанс на спасение и выход из пропасти кризиса, он называет веру. Следование вере, по его мнению, есть самый короткий путь к обретению божьей милости и, стало быть, спасения. Поэтому вопреки традициям калама вера — не причина для споров и ссор, но средство приближения человека к обители божьей милости, врата которой открыты всегда. И каждый, кто постучится в них, вне зависимости от того, делает он это по своей воле или под давлением обстоятельств, будет непременно допущен в эту обитель милости.

Однако для того, чтобы люди поверили в могущественную силу веры, необходимо преодолеть гипнотизирующие установки калама, которые под видом догматов веры удерживают людей в цепях рабства и мучений. Прежде всего ученый призывает преодолеть утверждения калама о том, что вера, появившаяся в момент наказания или угрозы причинения вреда, т. е. так называемая «вера, обретенная в беде» (*иман-и баэс*), не принимается Богом.

Для этого он ссылается на аят Корана: **«Тот ли, кто отвечает утесненному, когда он взывает к Нему...»**¹ — из которого следует, что принятие Богом молитв того, кто оказался в затруднительной ситуации, в данном случае упоминается в качестве восхваления. Далее М. Бигеев предлагает осознать смысл другого айата: **«...И Мы подвергли их наказанию, — может быть, они вернуться!»**² Здесь наказание он трактует как меру, которую Всевышний применяет надеясь, что люди вернуться к вере. М. Бигеев подчеркивает, что если бы вера, возникшая после низведения наказания, не принималась, то слова о возвращении потеряли бы всякий смысл.

М. Бигеев обращает внимание на очевидный изъян в воззрениях мутакаллимов, утверждающих, что вера, обретенная в беде, не принимается. По его мнению, провозглашая это, мутакаллимы ограничивают не имеющую границ божью милость: «Именно поэтому я пребываю в убеждении, что “вера, обретенная в беде, конечно же принимается”. И если некий подобный нам несчастный страдалец в час беды и мгновение опасности постучался бы в двери милости своего Господа, то я бы постеснялся прокричать откуда-то сзади: “Эй, Ты! Не давай ни капли из рек своей милости этому мучимому жаждой парню!”»³

Таково мнение М. Бигеева в вопросе о том, принимается ли вера в обители божьей милости без каких-либо условий. По его убеждению, искренняя вера не может быть жертвой каких-либо формальностей или

¹ Коран. 27: 63 (62).

² Коран. 43: 47 (48).

³ Бигеев Муса-эфенди. Халык назарына берниче мәсьәлә. Б. 62.

взвешиваться на весах ее принадлежности к тому или иному течению калама. В доказательство он приводит хадис, который воспринимается как свидетельство необъятной широты в вопросе о принятии веры: **«Воистину у Аллаха имеется триста пятьдесят шариатов. Сказал Милостивый: “Клянусь могуществом Моим и величием: не бывает так, чтобы явился ко Мне слугитель, из числа слугителей Моих, который не придавал Мне сотоварища, и Я не ввел бы его в рай”».**

Отметим, что М. Бигеев раз за разом подчеркивает значение веры как средства обретения счастья в этом мире, называя этот аспект веры главной отличительной особенностью исламской 'акиды, а также залогом ее преимуществ по сравнению с другими символами веры: «И если вера является основой чистоты, честности, верности, усердия, богатства, силы и благочестия человека в этом мире, то именно такая вера и является исламской верой»¹.

И наконец мы подошли к революционному моменту в осмыслении феномена веры татарским мыслителем. Он заявляет, что счастье в потустороннем мире является плодом счастья в этом мире, его результатом или как минимум его преемником, тогда как поиск счастья в отречении от мирских благ и нищете является чуждым исламу увлечением, возникшим под влиянием воззрений индостанских факиров и брахманов.

Также несомненный интерес представляют мысли ученого о целеполагании религии. По его мнению, любая религия в качестве высшей цели ставит перед собой задачу сделать человека похожим на то, чему она призывает поклоняться. Развивая эту мысль, он пишет: «Наш объект поклонения не является неживым идолом, как это есть в идолопоклонстве, а также он не является бездушным рисунком. Наш объект поклонения живой, знающий, могущественный, творящий, сильный, великий, самодостаточный, щедрый, правящий, господствующий, повелевающий, судящий и мудрый Господь миров — Аллах. По настоянию нашей веры нам должны быть присущи такие достоинства, как знание, сила, предприимчивость, могущество, величие, богатство, главенство. Каждое из этих достоинств является целью нашей религии и велением нашего шариата»².

В преодолении смертельной болезни, поразившей представления мусульман о сущности и содержании веры М. Бигеев видит залог будущего расцвета исламского мира. Поэтому он призывает избавиться от убеждения в том, что счастья в этом мире достойны лишь иностранцы, поскольку это губительное представление было сознательно распространено в среде мусульман посредством коварных интриг. По его мнению, жизненно важно избавиться от представлений о том, что

¹ Бигеев Муса-эфенди. Халык назарына берничә мәсьәлә. Б. 62.

² Там же. Б. 62.

исламская вера призывает мусульман отказаться от своего счастья сегодня ради того, чтобы в грядущем оно не досталось другим.

В завершение М. Бигеев выражает свою непоколебимую убежденность в благополучном будущем ислама: «Я верю в будущее ислама, считая, что могущество и счастье в этом мире более соответствуют исламской вере и исламской этике и что они представляют собой неотъемлемые ценности ислама... По моему мнению, у ислама и у его последователей есть будущее. Такова божественная радостная весть благородного Корана: **“Он — тот, который послал Своего посланника с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии...”**¹ И если сегодня эта божественная благая весть, многократно повторяющаяся в различных айатах благородного Корана, все еще не превратилась в реальность, то однажды она обязательно будет претворена в жизнь»².

В заключение хочется сказать, что размышления М. Бигеева о сущности и содержании веры остаются актуальными и востребованными в наше время. Они могут оказаться тем самым средством, которое способно привить мусульманам духовный иммунитет и осознание ценности истинной веры, а также оказать серьезное влияние как на их интеллектуальный рост, так и на осознание ими величия ислама. К сожалению, в настоящее время «горизонт понимания ислама» большинством мусульман ограничен рассуждениями о том, в какой форме будет возвращена практика отрубания рук за воровство³.

Идеи Мусы Бигеева, равно как и других его современников, высказывавших подобные мысли о вере, способны предотвратить попадание мусульман под влияние деструктивных сект и группировок, которые проповедуют человеконенавистнические идеи, призывая своих последователей жертвовать жизнью во имя веры. Поэтому необходимо прилагать всесторонние усилия для распространения и популяризации идей выдающихся татарских богословов и религиозных мыслителей, включать их в образовательные программы мусульманских учебных заведений и максимально широко знакомить с ними современную общественность.

Литература:

Бигиев Муса-эфенди. Халык назарына берничә мәсьәлә. Казан, 1912. 93 с.
Бигиев М. Избранные труды: В 2 т. Т. I / пер. с осман. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 336 с.

¹ Коран. 9: 33 (33).

² *Бигиев Муса-эфенди*. Халык назарына берничә мәсьәлә. Б. 63–64.

³ См.: *Рубин Д.* Российское мусульманство в условиях идеологических трансформаций // Исламская мысль: традиция и современность: Религиозно-философский ежегодник. Вып. I. М.: ИД «Медина», 2016. С. 620.

Идиятуллина Г. Абу-н-Наср Курсави. Казань: Издательство «Фэн»; АН РТ, 2005. 172 с.

Исламская мысль: традиция и современность // Религиозно-философский ежегодник. Вып. I = Islamic thought: Tradition and modernity / Religio-philosophical yearbook. № 1 // [редкол.: Д. В. Мухетдинов (пред.), Д. З. Хайретдинов (гл. ред.), С. Ю. Бородай (отв. ред.) и др.]. М: ИД «Медина», 2016. 760 с.

История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учебное пособие. Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. 376 с.

Са'ди 'Абд ал-Малик. Исламское вероучение: толкование акыды «Ан-Насафия» / пер. с араб. яз. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 257 с.

Татарские интеллектуалы: исторические портреты. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. Р. М. Мухаметшин. Казань: Магариф, 2005. 271 с.

Хайрутдинов А. Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Изд-во «Фэн»; АН РТ, 2005. 180 с.

References

Bigiev Musa-efendi (1912). *Halyk nazaryna bernicha mas'ala* [Some Problems to the Public Attention]. Kazan. 93 s.

Bigiev M. (2005). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. V dvukh tomakh. T. I. Per. s osman. Kazan: Tatar. kn. izd-vo. 336 s.

Idiyatullina G. (2005). *Abu-n-Nasr Kursavi*. Kazan: Izdatelstvo «Fan» Akademii nauk RT. 172 s.

Islamskaya mysl: traditsiya i sovremennost. Religiozno-filosofskiy ezhegodnik (2016). [Islamic Thought: Tradition and Modernity. Religious-philosophical Yearbook]. Vyp. I = Islamic thought: Tradition and modernity. Religious-Philosophical Yearbook. No. 1. [Redkol.: D. V. Mukhetdinov (pred.), D. Z. Khayretdinov (gl. red.), S. Yu. Boroday (otv. red.) i dr.]. M.: Izdatelskiy dom «Medina». 760 s.

Istoriya musulmanskoj mysli v Volgo-Uralskom regione (2009). [The History of Muslim Thought in the Volga-Ural Region]. Uchebnoe posobie. Kazan: Izd-vo DUM RT. 376 s.

Sa'di Abd-al-Malik (2008). *Islamskoe verouchenie: tolkovanie akydy «An-Nasafiya»* [Islamic Doctrine: an Interpretation of 'Aqidah al-Nasafiyya] Per. s arab. Kazan: Institut istorii AN RT. 257 s.

Tatarskie intellektualy: istoricheskie portrety (2005). [Tatar Intellectuals: Historical Portraits]. Sost. R. M. Mukhametshin. 2-e izd., pererab. i dop. Kazan: Magarif, 2005. 271 s.

Khayrutdinov A. G. (2005). *Musa Dzharullakh Bigiev* [Musa Jarullah Bigiev]. Kazan: Izdatelstvo «Fan» Akademii nauk RT. 180 s.

THE NATURE AND CONTENT OF ISLAMIC FAITH FROM THE POINT OF VIEW OF MUSA BIGEEV

Aidar G. KHAIRUTDINOV,

Cand. Sci. (Philos.), associate professor,
senior researcher of the Department
of the history of religions and social
thought, Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic
of Tatarstan

(7, Baturina Str., Kazan, Republic of
Tatarstan, 420014, Russian Federation).

E-mail: khaidar67@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to analysis of one of the masterpieces of the famous Tatar religious thinker Musa Jarullah Bigeev in which he considers the essence and content of faith in Islam. The author explains Bigeev's thoughts about the importance of the faith problem, the background of the causes of the religious crisis in Islam and its results and describes Bigeev's propositions how the getting out of this crisis could be realized.

Keywords: Tatar theology, Bigeev Musa, Musa Jarullah, creed, 'aqidah, faith and acts, two-part symbol of faith, three-part symbol of faith, currents of Kalam, ash'arism, Islamic morality, the criteria of faith, the crisis of morality in Islam.

UDC 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2017-13-2-73-90

